

СЕВЕРНЫЙ СФИКС

ВО ТЬМЕ ИСТОРИИ

МИСТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

Сфинкс Северный
Во тьме Истории

«Автор»

2026

Северный С.

Во тьме Истории / С. Северный — «Автор», 2026

Петербургский историк Вячеслав Корнилов получает заказ: проверить рукопись тамплиера Гийома де Монбара с картой Атлантиды. Ватикан не смог её купить, а за экспертом начинают следить. Шифр ведёт к пропавшим учёным, тайным семьям у власти и городу на дне Тихого океана, который двенадцать тысяч лет поёт и ждёт ответа. Ответить может только он.

© Северный С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Теневые кукловоды	6
Глава 1. Первые догадки	7
Глава 2. По рекам памяти	12
Глава 3. Liber Occultus	17
Глава 4. Тень преследования	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сфинкс Северный

Во тьме Истории

Роман является художественным произведением. Исторические источники, упомянутые в книге, — диалоги Платона, хроники ордена Храма, сведения об экспедициях начала прошлого века, данные океанологии и палеогенетики — существуют на самом деле; их толкование и всё, что с ними происходит на страницах романа, вымышлено. Все персонажи, учреждения, службы и организации вымышлены, любые совпадения с реальными людьми случайны.

Часть первая. Теневые кукловоды

Signa prima, lumen de profundo. Aquae tenebant terram, terram autem aquae obruunt. Non omnis perditum est, sed occultum.

Первые знаки, свет из бездны. Воды владели землёй, но воды землю поглотили. Не всё потеряно, но сокрыто.

Из Liber Occultus, надпись на форзаце

Глава 1. Первые догадки

Санкт-Петербург, набережная реки Мойки. 23 октября 2026 года

Осенний вечер опустился на Петербург и закутал город в серую пелену тумана. Холодный балтийский ветер гулял по набережным, срывал последние листья с лип и бросал их в тёмную воду. Фонари на Мойке горели вполсилы, будто экономили свет, и туман вокруг каждого стоял матовым шаром, как молоко в стакане.

В квартире на третьем этаже дома восемьдесят четыре было тепло, но тревожно.

Вячеслав Андреевич Корнилов жил здесь двенадцатый год. Большая квартира в старом доме с толстыми стенами досталась ему после долгого и утомительного размена, и он ни разу не пожалел ни о потраченных нервах, ни о деньгах. Дом помнил больше, чем любой архив: здесь в разные годы жили камергер, присяжный поверенный, певица Мариинского театра, а в блокаду — три семьи в одной комнате. Вячеслав иногда думал, что стены впитывают голоса, как губка воду, и в тишине их можно расслышать, если не шевелиться.

Сейчас он не шевелился. Он сидел за письменным столом и разбирал записи, сделанные накануне, и ни одна строчка не желала укладываться в голову.

Кабинет был самой тихой комнатой квартиры, дальним островком, куда не доходил ни шум кухни, ни гул лифта, ни голоса с лестницы. Стены Вячеслав когда-то выкрасил сам в глубокий, благородный синий цвет, почти цвет ночного неба. Знакомые пугались: тёмно, тесно, как в колодце. А ему именно здесь хорошо думалось. Синий цвет не отвлекал, он уводил взгляд вглубь, и мысли шли следом.

Вдоль правой стены тянулись книжные полки тёмного дерева, до самого потолка, с лесенкой на латунных крюках. Книги стояли в два ряда, и порядок их был понятен только хозяину: не по алфавиту, не по темам, а по тому, как одна книга отвечала другой. Хроники соседствовали с атласами, атласы с трактатами о часовых механизмах, а те с толстыми томами по истории мореплавания.

Левая стена была отдана вещам, привезённым из поездок. Там висели маски маори, резные, с перламутровыми глазами и высунутыми языками, которые ему подарили в Новой Зеландии, когда он ещё писал докторскую. Рядом, на отдельной полочке, лежала чуринга, плоский овальный камень с выбитыми кругами и линиями, священный предмет австралийских племён. Её он привёз из последней командировки и до сих пор не решил, имел ли право её взять: старик-хранитель отдал её сам, сказав через переводчика, что камень «хочет поехать на север». Вячеслав тогда улыбнулся. Теперь он почему-то вспоминал эти слова всё чаще.

На полу лежал массивный ковёр из шерсти альпаки, мягкий, как мох, привезённый ещё со студенческой практики в Перу. Ковёр глушил шаги, и в кабинете можно было ходить из угла в угол хоть всю ночь, не тревожа соседей снизу. Над полками висели старинные карты звёздного неба с аллегорическими фигурами созвездий и несколько гравюр с изображением древних механизмов: водяные часы, астролябия, разрез загадочного прибора с острова Антикитера.

Центральное место занимал письменный стол. Тёмный, массивный, с выдвижными ящиками и тонкой резьбой по краю столешницы, он казался не мебелью, а вещью из другого века, которая просто согласилась постоять здесь некоторое время. На столе царил порядок, который чужой человек назвал бы беспорядком: стопки книг, иные такие ветхие, что страницы приходилось переворачивать пинцетом, а рядом свежие научные журналы с яркими обложками. Изящная чернильница с засохшими чернилами на донышке и старинное перо, которым Вячеслав иногда, когда никто не видел, писал пару строк, просто чтобы почувствовать, как это было. Шкатулка резного сандалового дерева с маленьким витиеватым замочком, привезённая из Юго-Восточной Азии. В ней хранились вещи, важные только ему: обручальное кольцо,

которое он давно не носил, ракушка с Белого моря, детская фотография, засушенный цветок эдельвейса и ключ, от которого он сам уже не помнил двери.

И ещё на столе стоял телефон.

Этот предмет притягивал взгляд любого гостя, и Вячеслав привык, что первые пять минут любого визита уходят на рассказ о нём. Аппарат был выточен из слоновой кости, не белой, а тёплого кремового оттенка, какой кость приобретает за сто с лишним лет. Поверхность была отполирована бесчисленными прикосновениями и всё равно оставалась прохладной. Её оплетали тонкие, едва видные трещинки, словно нити паутины, и от этого вещь казалась ещё более хрупкой и ещё более живой, свидетельницей тех времён, когда Россия была империей, а разговоры велись не через стекло экранов, а через тяжёлые аппараты, у которых было своё место в доме.

Основание украшала тонкая резьба: цветочный орнамент, завитки и, в центре, герб князей Голицыных. Над гербом лежала изогнутая трубка с бронзовой окантовкой, потемневшей от времени, но не потерявшей благородного блеска. Диск для набора номера тоже был костяной, с чётко выгравированными цифрами, и Вячеславу всегда казалось, что каждая цифра хранит отголоски чужих разговоров: про балы, про войну, про аресты, про рождение детей.

Аппарат ему достался почти случайно, на распродаже имущества одной старой дамы, и он долго возился с мастерами, чтобы телефон заработал на обычной городской линии. Теперь этот номер знали человек двадцать, не больше. По нему звонили те, кто был ему по-настоящему нужен.

Среди всей этой старины совершенно чужим смотрелся современный ноутбук, его экран светился ровным неярким светом. Слева от стола стоял небольшой глобус, справа тяжёлая бронзовая лампа с абажуром из тёмного витражного стекла, и свет от неё ложился на бумаги тёплым янтарным кругом.

Но истинным сердцем кабинета было место у окна.

Огромное окно выходило на Мойку. Днём река отражала небо, прогулочные катера и лепные фасады на другом берегу, а вечерами тихо плескалась о гранит, словно рассказывала городу истории, которые он давно забыл. В золотой закат дома напротив становились театральными декорациями, в туман превращались в силуэты, вырезанные из серой бумаги. Вячеслав был уверен, что на берегах этой реки случилось столько необычного, сколько ни один историк никогда не запишет.

У самого окна стоял маленький круглый столик красного дерева с инкрустацией из перламутра. Сбоку у него был скол, небольшой, но заметный, и хозяин считал его не дефектом, а частью биографии вещи. Столешница была покрыта мелкой паутиной царапин от сотен чаепитий и бесед. Ножки изящно изгибались, как у танцовщицы, присевшей в реверансе. Когда-то столик принадлежал графу Григорию Орлову, о чём свидетельствовала бумага из архива и полустёртый вензель под столешницей, а теперь Вячеславу, который любил сидеть за ним и смотреть, как течёт жизнь за стеклом.

Рядом стояли два старинных кресла с высокими спинками, массивными изогнутыми подлокотниками и резными ножками. Их обили тёмно-бордовым бархатом, и резьба на подлокотниках напоминала переплетение виноградных лоз, которые будто поднимались от самого пола. На одном кресле лежал плед из тонкой шерсти с едва заметным северным узором. Эти кресла видели многое: тихие беседы, шумные застолья, слёзы и смех. Они словно приглашали присесть и не торопиться.

На столике между креслами стоял чайник китайского фарфора, бело-синий, с драконами, которые извивались вокруг пузатых боков. Из носика поднимался тонкий аромат свежего жасминового чая. Рядом стояли две чашки с блюдцами в том же стиле, и каждая была расписана по-своему: на одной дракон ловил жемчужину, на другой спал, свернувшись кольцом.

Когда Вячеслав садился за этот столик, его окружал покой. Река, кресла, запах жасмина, всё это создавало то состояние, ради которого он и выбрал свою профессию: состояние, в котором самые сложные вопросы вдруг начинают отвечать сами. Здесь он проводил часы, строя гипотезы и ища порядок в хаосе мира.

Но сейчас он сидел за письменным столом, перебирал записи и не мог найти порядка ни в чём.

Телефон зазвонил так неожиданно, что Вячеслав вздрогнул. Костяной аппарат звонил низко, глуховато, с дребезжанием внутри, будто где-то в его недрах ещё жил девятнадцатый век. Вячеслав снял трубку.

— Слушаю.

— Вячеслав? Это Леонид, — раздался в трубке голос коллеги. Голос был сдавленный, торопливый. — Из института. Могу я с тобой поговорить? Нам нужно серьёзно обсудить твои изыскания.

— Да, Лёня, конечно. Что случилось?

— Это не по телефону. Я приеду. Через полчаса.

В трубке раздалась короткая гудка.

Вячеслав недоумённо посмотрел на трубку и положил её на рычаг. Леонид Маркович Штерн, старший научный сотрудник Института истории, был одним из немногих людей, кто разделял его интерес к тёмным углам прошлого. Он был умён, остроумен, и при этом осторожен до болезненности. Он не пользовался банковскими картами, заклеивал камеру ноутбука, а в разговорах о политике понижал голос даже в лесу. Над этим посмеивались. Вячеслав тоже посмеивался. Но сейчас, глядя на замолчавший телефон, он подумал, что ни разу не слышал, чтобы Леонид боялся по-настоящему. А сейчас в его голосе был именно страх.

Он вернулся к записям, но читать не смог. Встал, прошёлся по ковру. Выглянул в окно. Туман над Мойкой стал гуще, фонари на том берегу едва угадывались. По набережной медленно проехала машина, остановилась у соседнего дома и погасила фары. Никто не вышел.

Вячеслав задёрнул штору.

Ровно через полчаса раздалась два длинных звонка в дверь, а потом три коротких постукивания костяшками пальцев. Этот сигнал они придумали лет десять назад, полушутя, после того как к Леониду однажды пришли из какой-то сомнительной конторы с вопросами о его публикациях. Два звонка и три стука значили: «Я один, всё в порядке». Вячеслав за все эти годы слышал его от силы три раза.

Он открыл.

На пороге стоял Леонид. Без шапки, в мокром от тумана пальто, бледный, с покрасневшими глазами. Он вошёл, не здороваясь, выглянул на лестничную клетку, прислушался, сам закрыл дверь и повернул замок на два оборота.

— Лёня, ты что?

— Слава, — начал Леонид, не снимая пальто и не проходя дальше прихожей, — тебе нужно быть очень осторожным. То, чем ты занимаешься... Это слишком опасно.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Вячеслав и почувствовал, как сердце начинает биться чаще.

— Я получил предупреждение. Из очень влиятельных кругов. Твои исследования, которые ты ведёшь в последнее время, привлекли внимание. И им это не нравится.

По спине Вячеслава пробежал холодок, тот самый, о котором пишут в плохих романах и который, как выяснилось, существует на самом деле.

— Кому «им»? Кто они?

— Не знаю. — Леонид мотнул головой. — Честное слово, не знаю. Но они обладают властью. Настоящей. Такой, при которой не звонят, а просто входят в кабинет к директору. Они хотят, чтобы ты прекратил. Иначе...

— Иначе что?

Леонид глубоко вздохнул.

— Иначе ты можешь лишиться всего. Свободы, карьеры, жизни.

Вячеслав смотрел ему в глаза с долей здорового скепсиса. Он пытался понять масштаб того, что слышит, и одновременно думал, не пора ли Леониду взять отпуск и уехать куда-нибудь, где нет архивов, конференций и интернета.

— Лёня, — сказал он как можно мягче, — мне кажется, ты преувеличиваешь. Я провожу экспертизу рукописи. Обычную оценку подлинности. Кого может интересовать то, что я делаю, кроме налоговой? А с ней, хочу заметить, у меня всё в порядке. Заказ официальный, всё по-белому, через моё ИП. Договор, акт, счёт.

— Слава, ты не понимаешь. — Леонид заходил по прихожей, три шага туда, три обратно, задевая полрой пальто вешалку. — С этой рукописью что-то не так. Я не знаю, что именно, и, если честно, не хочу знать. Но на меня начали давить. Меня сегодня вызвали к заместителю директора. Там сидел человек, которого я никогда не видел. Вежливый, в хорошем костюме. Он ни разу не назвал своего имени. Он спросил, знаком ли я с тобой. Я сказал, что знаком. Он спросил, кто тебе помог попасть в архив. Слава, в какой архив? Я сказал, что не знаю. Он улыбнулся. И сказал, что я, как сотрудник уважаемого учреждения, должен понимать, что архивы существуют для сохранения документов, а не для удовлетворения любопытства. И что мне лучше передать тебе по-дружески: не нужно больше туда ходить.

— Ты передал.

— Я передал. — Леонид остановился и посмотрел на него. — Ты был в архиве?

Вячеслав помолчал.

— Был.

Леонид закрыл глаза.

— Господи. Зачем?

— Затем, что мне нужно было понять, во что меня втянули. И я понял немного больше, чем хотел.

— Не рассказывай, — быстро сказал Леонид и поднял ладонь. — Не надо. Я не хочу этого знать. Слава, послушай меня хоть раз. Брось. Верни аванс, напиши заключение, что рукопись сомнительная, поздняя копия, подделка девятнадцатого века, что угодно. И забудь.

— Я не остановлюсь, Лёня. Я должен закончить эту работу. И дело тут не в деньгах.

Леонид покачал головой. Он долго смотрел на друга, и в его взгляде было что-то такое, от чего Вячеславу стало не по себе: так смотрят на человека, которого провожают в долгую дорогу и не уверены, что встретят.

— Ты принял решение, — сказал он наконец. — Я надеюсь, ты понимаешь последствия. Будь осторожен, Слава.

Он отпер замок и вышел, не прощаясь. Даже не остался на жасминовый чай, а Леонид никогда не отказывался от этого чая, он называл его «единственным разумным напитком в этом безумном городе». Вячеслав слышал, как его шаги быстро удаляются вниз по лестнице, как хлопнула дверь подъезда. Потом стало тихо.

Он постоял в прихожей, глядя на запертую дверь. Тишина в квартире стала другой, плотной, как туман за окном.

* * *

Вячеслав вернулся в кабинет, сел в любимое кресло у окна и плеснул себе остывшего чая в чашку со спящим драконом. Чай горчил.

Леонид был не первым. За последние две недели ещё двое знакомых историков, люди спокойные и вовсе не склонные к панике, как бы между делом, за чашкой кофе в институтской столовой, советовали ему не увлекаться неподтверждёнными слухами. Один сказал: «Ты же понимаешь, что такие темы губят репутацию быстрее, чем плагиат». Другой ничего не сказал,

просто посмотрел на него долгим взглядом и ушёл. Тогда Вячеслав списал это на зависть: слух о щедром заказчике разлетелся по институту быстро. Теперь он думал иначе.

Он откинулся на спинку кресла и начал перебирать последние две недели, день за днём, пытаясь понять, кто мог так заинтересоваться его работой, кроме самого заказчика. Где он допустил ошибку. Кому сказал лишнее. Какую дверь открыл, не заметив, что за ней кто-то стоит.

Он перебирал события, как бусины чётков, и каждая следующая была тяжелее предыдущей. Он искал зацепку, упущенную деталь, ту минуту, когда всё ещё можно было повернуть назад.

И в памяти всплыл тот вечер, когда всё началось.

Глава 2. По рекам памяти

Санкт-Петербург. 9–10 октября 2026 года

Две недели назад вечер был точно таким же. Туман, сырость, одинокое окно на фасаде старого дома, горящее, как маяк, над Мойкой. В его тёплом свете угадывался силуэт мужчины, склонившегося над столом.

Вячеслав всю жизнь искал правду, спрятанную в пыльных архивах и древних рукописях. Это началось с маленькой районной библиотеки в Старой Руссе, где он, двенадцатилетний, выпросил у библиотекарши разрешение читать в хранилище, а не в зале, потому что в хранилище пахло «настоящим». Потом был исторический факультет, раскопки под Новгородом, где он впервые держал в руках берестяную грамоту, потом аспирантура, первые экспедиции, первая книга о средневековых картах. Он стал доктором наук в тридцать девять, к сорока пяти имел имя, которое знали в узком кругу специалистов по рукописям и исторической картографии, и репутацию человека, который не боится браться за то, от чего другие отказываются.

Последние годы он работал сам на себя: экспертизы для музеев, аукционных домов и частных собирателей, лекции, консультации. Это давало свободу, которой никогда не было в институте. И ещё это давало ему время на то, что он про себя называл «странными папками».

В тот вечер он сидел над одной из них.

Перед ним лежали ксерокопии и фотографии летописных списков двенадцатого века, написанных на старославянском, точнее на древнерусском книжном языке с его церковнославянскими оборотами. Хроники считались второстепенными. Их изучали лишь для сверки дат: кто из князей когда сел на стол, когда горел Новгород, когда случился мор. Обычная летописная рутина. Вячеслав взялся за них ради одной сноски в чужой статье и уже неделю не мог оторваться.

Среди привычных сообщений о походах, уособицах, знамениях и смертях в этих списках трижды, в разные годы и в разных местах, повторялось одно и то же. «Чёрное сияние». Не затмение, не комета, летописцы прекрасно знали, как называть затмения и кометы, и называли их как положено. Нет. «Бысть сияние черно над озером, и свет бе из него, яко из-под воды». И дважды, в другой рукописи и про другой год, в записи о Заволочье, о северных землях: «и видеша тех, иже изыдоша из подземелий, и бяху высоци и бледи, и очи их яко у рыбы во тьме».

Те, кто пришёл из подземелий.

— Несущественно, говорили они, — усмехнулся Вячеслав и потёр виски. — Да быть такого не может, чтобы столько совпадений было просто так.

Он отложил папку, вскочил со стула и заходил по кабинету. Шаги тонули в шерсти альпаки, но ему казалось, что они гулко отдаются в тишине. «Неужели здесь что-то скрыто?» Вопрос не нашёл ответа, растворился в синих стенах.

Дело было не только в хрониках. Чем глубже он погружался в старые рукописи и карты, тем больше находил того, что про себя называл аномалиями. Карты, на которых были места, не совпадающие ни с какими известными границами. Острова, которые потом исчезали с карт без объяснения. Береговые линии, нанесённые с точностью, невозможной для своего времени. Он знал про карту Пири-реиса, турецкого адмирала, нарисовавшую в 1513 году побережье Южной Америки и что-то, что кое-кто считает берегом Антарктиды. Знал и про то, что серьёзные учёные над этим посмеиваются, и в целом соглашался с ними. Но одна карта, итальянская, конца пятнадцатого века, которую он изучал по заказу музея в Генуе, не давала ему покоя. В её углу, в сердце Атлантического океана, была обозначена неопознанная область, а рядом выцветшая надпись, которую он с трудом разобрал под микроскопом: «Здесь была Атлантида, ныне ушедшая под воды. Не плавай здесь».

Он тогда отметил это в отчёте как курьёз позднего копииста. Но курьёзы, если их достаточно много, перестают быть курьёзами. Они становятся закономерностью.

Эти находки складывались у него в голове в мысль, которую он долго не позволял себе додумать: даже самое невероятное в древности может оказаться не вымыслом, а правдой, которую кто-то старательно прячет от глаз большинства.

Несколько дней он провёл в библиотеках: в Публичке, в Библиотеке Академии наук, в рукописном отделе, где его знали по имени и пускали в хранилище без лишних вопросов. Он сравнивал списки, переписывал разночтения, сличал почерки. И вот, в этот самый вечер, когда он сидел над хрониками, раздался звонок, который теперь, задним числом, казался ему первым звеном в цепи.

Звонил костяной телефон Голицыных.

— Алло, — сказал он настороженно. Этот номер знали немногие, а голос в трубке был незнакомым.

— Добрый вечер, Вячеслав Андреевич. Меня зовут Дмитрий Орлов. — Голос был глубокий, чуть хриловатый, неторопливый. Голос человека, который привык, что его дослушивают до конца. — Надеюсь, я не отрываю вас от важных дел?

Вячеслав прищурился. Имя ничего ему не говорило. Но голос звучал уверенно и властно, и в нём было ещё что-то, чего он тогда не смог определить. Позже он нашёл слово: старомодность. Так говорили люди на старых магнитофонных записях, люди, которые учились говорить, когда ещё не торопились.

— Слушаю вас, Дмитрий...

— Сергеевич. Мне рекомендовали вас как одного из лучших специалистов по средневековым рукописям и картографии. Недавно я приобрёл весьма интересный предмет, и мне нужна независимая оценка его подлинности и содержания.

— Какого рода предмет? — Вячеслав, сам того не заметив, отодвинул в сторону летописные списки.

— Книга. Рукопись, если быть точным. Есть основания считать, что её написал Гийом де Монбар.

Повисла пауза. Орлов сделал её нарочно, это было ясно, но Вячеслав и без того не смог бы сразу ответить.

Монбар. Эту фамилию знал любой, кто хоть раз открывал книгу о тамплиерах. Андре де Монбар был одним из девяти рыцарей, основавших в 1119 году в Иерусалиме орден бедных рыцарей Христа и Храма Соломонова, дядей по матери Бернарда Клервоского, великого проповедника, который добился для ордена признания церкви, а под конец жизни великим магистром. А Гийом... Гийом де Монбар был тенью рядом с ним. Два упоминания в бургундских грамотах, одно в списке свидетелей иерусалимского пожалования. Младший родич Андре, рыцарь Храма, о котором не известно больше ничего: ни где он жил, ни когда умер, ни что делал. Человек, которого история словно нарочно не заметила. Рукописей, связанных с ним, не существовало. Ни одной.

— И что в этой книге? — спросил Вячеслав, стараясь говорить спокойно.

— В ней содержится карта, — уклончиво ответил Орлов. — И эта карта, скажем так, не совсем обычная.

— В чём именно?

— Она изображает континент, который принято считать мифом. В Атлантическом океане. — Снова пауза. — Полагаю, вам, как человеку, который занимается картами, будет интересно её увидеть и провести экспертизу.

Вячеслав замер. На столе перед ним лежали летописи с «чёрным сиянием», в голове ещё звучала выцветшая надпись с генуэзской карты. «Это не может быть совпадением», подумал

он. И сразу же, по профессиональной привычке, одёрнул себя: может. Именно так и выглядят совпадения, которые потом губят карьеры.

— Это очень интересно, — сказал он, стараясь скрыть волнение. — Где вы её приобрели?

— На частном аукционе в Швейцарии. Был небольшой ажиотаж. Претендентов было двое: я и Ватикан. Точнее, одна из ватиканских библиотечных структур, действовавшая через посредника.

— И Ватикан уступил?

— Не уступил. Не смог. — Орлов, кажется, улыбнулся, Вячеслав услышал это в голосе. — У них возникли технические проблемы с переводом средств. Платёж трижды не прошёл. Трижды, Вячеслав Андреевич. Система давала сбой, банк ссылался на ошибку, деньги возвращались. Аукционный дом подождал положенное время, потом ещё немного, а потом заявка была отклонена в последний момент, и лот по правилам перешёл ко мне, как ко второму участнику. Весьма странно, не находите? Мои партнёры считают, что это не просто совпадение.

«Мистика какая-то, — подумал Вячеслав. — Ватикан, с его банком, с его деньгами, и не смог заплатить?»

— И вы хотите, чтобы я оценил эту книгу?

— Да. Мне нужна независимая экспертиза. Я хочу знать, подлинная ли она и что на самом деле изображено на карте. Я готов хорошо заплатить.

— Я согласен, — ответил Вячеслав, не раздумывая. Потом, уже сказав, понял, что не спросил ни о сроках, ни о деньгах, ни об условиях. Он никогда так не делал. — Когда я могу её увидеть?

— Думаю, лучше встретиться на нейтральной территории. В одном из антикварных салонов в центре. Я свяжусь с вами завтра утром и сообщу точное время и место.

— Хорошо. — Вячеслав записал имя и номер на полях летописной ксерокопии.

— Прекрасно. До встречи, Вячеслав Андреевич. — Орлов помолчал и добавил тем же ровным голосом: — И будьте осторожны. Говорят, эта книга приносит несчастья.

Гудки.

Вячеслав стоял, держа трубку в руке. Слова Орлова эхом отдавались в голове. Несчастья. Ватикан. Монбар. Он посмотрел в окно. Сумерки сгущались над Мойкой, туман делал дома на том берегу похожими на корабли, вставшие на рейд. Он чувствовал, что входит в какую-то игру, и правил этой игры не знает. На кону стояла его научная репутация. Возможно, не только она. И всё же он жаждал увидеть эту карту, как в двенадцать лет жаждал попасть в библиотечное хранилище.

Он положил трубку на рычаг. Потом, повинувшись неясному чувству, проверил, откуда был звонок. Старый аппарат, разумеется, номеров не показывал. Тогда он набрал номер, записанный на полях. Длинные гудки, никто не ответил.

Он вернулся к хроникам, но до глубокой ночи прочёл не больше двух страниц.

* * *

Утро встретило Петербург промозглым, но уже не таким серым небом. Осеннее солнце робко выглядывало из-за облаков, и фасады на Мойке на несколько минут стали золотистыми, а вода в реке зелёной, как бутылочное стекло. Потом облака снова сошлись, и город вернулся к своему обычному цвету.

В девять утра на телефон пришло короткое сообщение без подписи: «Антикварный салон Северная Венеция, наб. Фонтанки, 5. Сегодня, 11:00. Д. О.»

«Отличное место», подумал Вячеслав. Он знал этот салон, хоть и бывал там нечасто. Старинные интерьеры, приглушённый свет, особая атмосфера забвения, будто время там течёт медленнее. В глубине у них были тихие кабинеты, где солидные клиенты могли спокойно осмотреть ценные вещи, не опасаясь чужих глаз. Для изучения чего-то столь загадочного трудно было придумать место лучше.

Он долго выбирал, что взять. В итоге в старую кожаную сумку, с которой ходил на такие встречи уже лет пятнадцать, легли: тонкие хлопковые перчатки, лупа с подсветкой, карманный ультрафиолетовый фонарик, мягкая кисточка, блокнот, два простых карандаша. Ручки он к рукописям не подносил никогда, это было правило, вбитое ещё научным руководителем.

На набережной Фонтанки было ветрено. От воды тянуло холодом и бензином, прогулочные катера стояли у причалов, зачехлённые на зиму. Дом номер пять, невысокий, с полукруглыми окнами первого этажа, выглядел так, словно его забыли перекрасить лет тридцать назад, и это было нарочно: в Петербурге солидные антиквары не любят блеска.

Ровно в одиннадцать Вячеслав толкнул тяжёлую дверь. Над ней тихо звякнул медный колокольчик.

Внутри стоял особый запах, который бывает только в таких местах: старое дерево, полированная латунь, воск, лёгкая пыль веков. Резные витрины показывали фарфор, серебро, бронзу, миниатюры в овальных рамках. На стенах висели картины в тяжёлых золочёных рамах, пейзажи, портреты, морской бой с дымом и обломками мачт. В дальнем углу, за стеклом, стояли книги: кожаные корешки, медные застёжки, тиснение.

За одним из массивных дубовых столов, в глубоком кресле, уже сидел мужчина. Он смотрел в окно, на Фонтанку, и его профиль, обращённый к свету, был незнаком. Но осанка выдавала человека, привыкшего к деньгам и власти, причём привыкшего так давно, что он перестал это замечать.

Вячеслав подошёл. Мужчина обернулся.

Дмитрий Сергеевич Орлов оказался немолодым, на вид за шестьдесят. У него были пронизательные, чуть прищуренные глаза под густыми седыми бровями, гладко выбритое лицо с резкими складками у рта и седые волосы, зачёсанные назад. Строгий тёмно-серый костюм сидел на нём так, как сидят только вещи, сшитые по мерке у очень хорошего мастера. На левой руке не было ни часов, ни колец. Только на мизинце правой Вячеслав заметил тонкий тёмный перстень без камня.

— Добрый день, Вячеслав Андреевич, — сказал Орлов, поднимаясь. Голос был тот же, что и по телефону: уверенный, но с едва уловимой теплотой. — Рад, что вы нашли время. Прошу, садитесь.

Вячеслав пожал протянутую руку. Ладонь была сухой и неожиданно холодной, как будто Орлов только что вошёл с улицы, хотя пальто его висело на вешалке у двери и выглядело совершенно сухим.

Они сели. Обменялись теми необязательными фразами, которыми люди прощупывают друг друга: погода, пробки на Невском, новая выставка в Эрмитаже. Орлов говорил мало, слушал внимательно, и Вячеслав поймал себя на неприятном ощущении, что его изучают, как он сам изучает рукописи: медленно, страница за страницей, не пропуская ни одной кляксы.

Потом Орлов чуть повернул голову и жестом подозвал пожилого сотрудника салона, который всё это время стоял у дальней витрины так тихо, что Вячеслав его не заметил.

— Михаил Петрович, — сказал Орлов. — Будьте добры, принесите рукопись, которую я оставлял для осмотра.

Михаил Петрович вежливо поклонился и исчез в глубине салона. Он двигался бесшумно, как кот, и лицо его не выражало ровным счётом ничего.

— Как я вам говорил, Ватикан проявлял интерес, — продолжил Орлов, когда они остались вдвоём. — Но, как часто бывает с большими организациями, их бюрократия оказалась бессильна перед необычными обстоятельствами. Деньги почему-то не проходили. Любой аукционный дом, конечно, предпочёл бы иметь дело с Ватиканом, а не со мной. Но причины их отказа выглядели слишком странными, чтобы их игнорировать.

Он слегка улыбнулся.

— Тем более что я уверен: это не просто книга. Это ключ к чему-то невероятному.

— Вы так говорите, будто уже знаете, что в ней.

— Я знаю, что в ней нарисовано, — спокойно ответил Орлов. — Но не знаю, что это значит. Для этого мне и нужны вы.

Салон погрузился в тишину, которую нарушали лишь мягкие шаги Михаила Петровича где-то за стеллажами да тиканье напольных часов в углу. Часы были английские, восемнадцатого века, с лунным диском на циферблате. Вячеслав машинально отметил, что они идут точно.

Михаил Петрович вернулся и поставил на стол между ними чёрную кожаную коробку, похожую на маленький старинный сундук. Кофр. Кожа на нём потёрлась на углах, латунные задвижки потускнели, но сам он был крепкий, тяжёлый, сделанный, чтобы пережить своего владельца.

— Прошу, — сказал Михаил Петрович и отступил на шаг.

Свет от лампы с направленным абажуром падал прямо на крышку. Вячеслав вдруг понял, что задержал дыхание.

Глава 3. Liber Occultus

Санкт-Петербург, набережная Фонтанки, 5. 10 октября 2026 года

Орлов с лёгкой улыбкой принялся расстёгивать латунные задвижки. Они поддавались туго, с сухим щелчком, и каждый щелчок отзывался в тишине салона так, будто кто-то взводил курок. Крышка кофра медленно поднялась.

Внутри, на тёмно-синем бархате, лежала книга.

Она была закрыта и не выдавала своего содержания. Переплёт из толстой, почти чёрной кожи казался вечным: не новым, не старым, а просто существующим всегда, как камень. На верхней крышке, едва заметным золотым тиснением, было выведено латинское название: Liber Occultus. Скрытая книга. Тайная книга. Шрифт простой, без завитков и украшений, и от этой простоты название весило ещё больше.

Вячеслав почувствовал, как по спине снова пробежал холодок. Он видел тысячи старых книг, держал в руках евангелия одиннадцатого века, портоланы, папские буллы с печатями. Но здесь было другое. Перед ним лежала легенда, которая вдруг обрела вес, запах и форму.

Орлов, видя его лицо, удовлетворённо кивнул.

— Михаил Петрович, будьте так добры, перчатки.

Антиквар, словно ожидая этого, уже стоял рядом с небольшой деревянной шкатулкой. Внутри на сукне лежали белоснежные хлопковые перчатки.

— Не нужно. У меня свои, — сказал Вячеслав.

— О, вижу, вы подготовились, — одобрительно улыбнулся Орлов.

— Положение обязывает, — ответил Вячеслав и улыбнулся в ответ.

Он достал из сумки свои тонкие белые перчатки и аккуратно надел их, расправляя каждый палец. Прохладная ткань легла на кожу, отрезая собственное тепло и запах рук, создавая тот самый барьер между человеком и вещью, без которого он не прикасался ни к чему старше ста лет. Потом медленно поднёс руку к книге.

Первым делом он ощупал переплёт. Кожа толстая, матовая, с лёгким запахом времени: не плесень, не химия реставратора, а сухой запах старого чердака и ладана. Никаких следов свежей реставрации, никаких подклеек, новых швов, подкрашенных потёртостей. Кожа на корешке потрескалась так, как трескается только за столетия, мелкой сеткой, по линиям сгиба. «Переплёт, вероятно, родной, — отметил он про себя, — или очень ранний».

Он осторожно приподнял верхнюю крышку. Сердце забило сильнее.

Сначала он увидел обрез. Края пергаментных листов были неровными, как и положено натуральному пергаменту: щербинки, лёгкие волны, следы скобления. Никакой идеальной ровности, присущей бумаге машинной выделки. На свету, будь у него микроскоп, он стал бы искать на поверхности следы волосяных луковиц, характерный узор, по которому можно отличить телячью кожу от козьей. Но в салоне это было невозможно, и он отложил это на потом.

Пергамент был кремово-белым с желтоватыми переходами, с той неравномерной патиной, какую не подделаешь. На обрезе, там, где краска с листов чуть выходила за край, виднелись следы чернил: не яркие, но насыщенные, коричневые.

Он открыл книгу.

Форзац оказался не бумажным, а пергаментным, двойным листом плотной, но эластичной кожи. Обращённая к нему сторона была покрыта сложным, сдержанным узором тёмно-коричневыми чернилами. Узор был геометрический, с элементами, отдалённо похожими на кельтские плетёные узлы, но строже, угловатее: линии не изгибались плавно, а ломались под точными углами, как будто их чертили по линейке и циркулю.

В центре, вплетённое в этот узор, было изображено солнце. Не просто круг с лучами. Солнце окружали несколько концентрических кругов, вложенных один в другой, и от внешнего

круга расходились лучи, и каждый луч заканчивался крошечной, тщательно прорисованной спиралью. Вячеслав машинально начал считать лучи и сбился. Потом пересчитал. Двенадцать.

А по краю форзаца, тонкой строкой, теми же чернилами, что и узор, шла латинская надпись. Он наклонился, почти касаясь пергамента носом, и начал разбирать.

— *Signa prima, lumen de profundo. Aquae tenebant terram, terram autem aquae obruunt. Non omnis perditum est, sed occultum.*

Первые знаки, свет из бездны. Воды владели землёй, но воды землю поглотили. Не всё потеряно, но сокрыто.

— Свет из бездны, — прошептал он. — Воды поглотили землю. Не всё потеряно, но сокрыто.

Орлов ничего не сказал. Он сидел неподвижно, сложив руки на колене, и смотрел не на книгу, а на Вячеслава.

«Свет из бездны». У Вячеслава в голове вспыхнула строчка из летописи, над которой он сидел вчера вечером: «и свет бе из него, яко из-под воды». Совпадение. Конечно, совпадение. Средневековые авторы любили слово «бездна», оно было в каждом втором псалме.

И всё же форзац не был просто украшением. Это было вступление. Ключ. Как будто автор, прежде чем впустить читателя, предупреждал его, во что тот входит.

Вячеслав перевернул лист. Текст шёл ровными строками, выписанный аккуратным книжным почерком, который он с первого взгляда отнёс бы к первой половине двенадцатого века: каролингский минускул, уже заострённый, но ещё не готический, с характерными сокращениями. Между словами кое-где встречались значки, похожие на символы с форзаца, только мельче и разнообразнее. Круги с точкой, спирали, ломаные линии, похожие на волны.

Он перелистывал страницы медленно, чувствуя вес каждого листа. Выхватывал слова. «*Insula magna*», великий остров. «*Gens quae superabat aequales suos*», народ, превосходивший своих современников. «*Calamitas maris*», бедствие моря. «*Qui sub aquis vivunt*», живущие под водами. Над последним словосочетанием он задержался. Потом заставил себя листать дальше.

Пергамент местами был покрыт рыжеватыми пятнами, следами влаги и, возможно, железа. Чернила основного текста имели тот коричнево-ржавый оттенок, который даёт железогалловая основа, когда она окисляется сотни лет. Это была подлинная старина. Или подделка такого уровня, о котором он не слышал.

Через несколько десятков листов текст стал фрагментарнее, строки короче, появилось больше значков. Листы стали чуть шире, в книжный блок были вплетены сложенные вдвое развороты. Вячеслав понял, что приближается к главному.

И вот, в самой середине книги, там, где блок слегка расходился, лежала она.

Карта.

Она занимала весь разворот. На ней был изображён мир, но не тот, к которому мы привыкли. Европа, Азия и Африка угадывались, их очертания были схематичными, как на средневековых картах, но всё же узнаваемыми: сапог Италии, клин Иберии, изгиб Чёрного моря. На западе, за океаном, виднелся край чего-то, что могло быть только Америкой, хотя для двенадцатого века её быть там не могло. А посреди Атлантического океана, между Европой и этим загадочным западным краем, лежал огромный, чётко очерченный континент.

Его рисовали не наугад. У него были горные хребты, нанесённые штрихами, реки, впадающие в море широкими устьями, заливы, мысы, острова вдоль побережья. В центре располагалась равнина, окружённая горами, а на равнине — значок, концентрические кольца, вложенные друг в друга, как на форзаце, только без лучей. И по всему континенту, и рядом с ним, и далеко от него были разбросаны крошечные значки городов.

Чернила здесь были разными. Чёрные для контуров, несколько оттенков коричневого для рельефа и красные для точек, которые явно обозначали что-то важное. Красных точек было немного. Вячеслав пересчитал. Семь. Одна на самом континенте, у восточного побере-

жья. Одна, кажется, в районе Египта. Одна на крайнем севере Европы, там, где схематичная линия берега загибалась к востоку. Одна у западной оконечности Африки, у островов. И ещё три в местах, которые он не мог сразу опознать: одна далеко на востоке, за краем известного мира, в океане, о котором европейцы двенадцатого века не знали ничего.

По полям карты шли символы, которых он никогда раньше не видел. Они напоминали астрологические знаки, но в них были странные элементы: волнистые линии, вписанные в квадраты, треугольники с точкой внутри, двойные спирали, закрученные в разные стороны.

Под картой, в правом нижнем углу, была надпись. Почерк здесь был другим, крупнее, свободнее, с наклоном.

— Guillelmus de Montebarro, — прочитал Вячеслав вслух. — Гийом де Монбар.

Подпись была выведена аккуратно, красивым архаичным почерком, и под ней стоял знак, крохотный, едва заметный: та же солнечная спираль.

— Именно, — подтвердил Орлов.

Вячеслав долго молчал. Легенда оживала у него на глазах, в форме, которую, казалось, создал сам Монбар. Он провёл пальцем в перчатке над поверхностью карты, не касаясь её, чувствуя неровность пергамента там, где чернила легли гуще.

— По моей предварительной оценке, — сказал он наконец, и собственный голос показался ему чужим, — это подлинник своего времени. Пергамент, чернила, почерк, сокращения, переплёт. Всё соответствует двенадцатому веку. Окончательно, конечно, скажет лаборатория. Но содержание... Вот здесь возникают вопросы.

— Какие?

— Эти символы. Они не похожи ни на что, что я видел. Это не греческий, не еврейский, не арабский, не руны, не огамическое письмо. И эта линия на западе... — Он запнулся.

«И расположение материка, и точность берегов, и эта Америка, которой ещё не должно быть, и значок у Тихого океана, — продолжил он про себя. — Ничего из этого не могло существовать в двенадцатом веке. Значит, либо это поздняя подделка гениального мастера, либо...» Вслух он сказал:

— Всё это требует тщательного изучения. Но первое впечатление такое: это не подделка. Слишком много деталей говорят за подлинность. Подделывают обычно то, что можно продать. А это... это продать почти невозможно. Это вызывает слишком много вопросов.

— Вот именно, — кивнул Орлов. — Поэтому мне и нужен ваш взгляд. Я хочу понять, что скрывает эта книга. Мне кажется, это не просто карта. Это шифр. И я думаю, вы единственный, кто сможет его прочитать.

Он помолчал.

— Не скажу, что мне близки все эти тайные ордены и их загадки. Я человек практический. Но если то, что здесь изображено, действительно когда-то было, я готов это финансировать. Изучите книгу. Найдите подтверждения. Если карта окажется правдивой, мы с вами войдём в историю не хуже, чем Джованни Баттиста Кавилья или Огюст Мариетт с их пирамидами.

Вячеслав едва заметно улыбнулся. Кавилья, генуэзский моряк, который в начале девятнадцатого века полез в пирамиды без всякого образования и раскопал лапы Сфинкса. Мариетт, который нашёл Серапеум, следуя за одной-единственной фразой Страбона. Оба были дилетантами в глазах учёных своего времени. Оба оказались правы. Орлов подобрал примеры не случайно.

Тишина салона, нарушаемая лишь приглушённым шумом с набережной и тиканьем английских часов, наполнилась ожиданием. Вячеслав чувствовал, что эта встреча, эта карта, этот человек напротив, всё это не случайность. Поворот. Одна из тех минут, после которых жизнь делится на «до» и «после».

— Я согласен, — сказал он.

— Замечательно! — Орлов хлопнул себя по коленям, и это было первое по-настоящему живое движение за всю встречу. — Тогда вот как мы поступим. Вы можете работать с книгой здесь, в «Северной Венеции», в любое удобное время. Днём, вечером, ночью, если понадобится. Но выносить её отсюда, уж извините, я разрешить не могу.

Он развёл руками с видом искреннего сожаления.

— Михаил Петрович предоставит всё, что нужно для работы. По всем вопросам обращайтесь к нему. Лампы, микроскоп, ультрафиолет, если понадобится, лаборатория для проб, всё будет. По материальной части звоните моему финансисту, она предупреждена. А когда появятся конкретные результаты, звоните прямо мне.

Он протянул визитку. Она была напечатана на плотной шелковистой бумаге, кремовой, как кость телефона Голицыных, и золотыми буквами, каллиграфическим почерком, на ней было выведено: «Орлов Дмитрий Сергеевич». Ниже номер мобильного. Больше ничего: ни должности, ни компании, ни адреса.

Вячеслав взял визитку и внимательно посмотрел на Орлова. Глаза у того были непроницаемыми. Серые, с тёмным ободком, чуть прищуренные, и в их глубине было что-то, отчего Вячеслав вдруг подумал о колодце, на дне которого лежит неподвижная вода. Не злое. Просто очень глубокое.

— Хорошо, Дмитрий Сергеевич. Я приступлю как можно скорее.

— Вот и отлично. — Орлов довольно улыбнулся. — Я уверен, вы меня не разочаруете.

Он поднялся, давая понять, что встреча окончена. Вячеслав тоже встал. Орлов надел пальто, которое подал ему Михаил Петрович, и уже у двери, взявшись за ручку, вдруг обернулся.

— Вячеслав Андреевич. Ещё одно. Не всё, что кажется, является правдой. В этом мире есть силы, которые предпочитают, чтобы некоторые тайны оставались нераскрытыми. Если почувствуете, что кто-то проявляет к вашей работе излишний интерес, не геройствуйте. Сразу звоните мне.

Колокольчик над дверью звякнул. Орлов вышел. Вячеслав видел в окно, как к салону бесшумно подкатил тёмный автомобиль, как Орлов сел на заднее сиденье и машина ушла в сторону Невского.

Михаил Петрович неслышно закрыл кофр.

— Когда вам будет угодно начать, Вячеслав Андреевич? — спросил он ровным голосом.

— Завтра. С утра, если можно.

— Салон открывается в десять. Для вас будет открыт в девять.

Вячеслав кивнул. Ему показалось, что на обшлаге рукава антиквара, там, где из-под пиджака выглядывала белая манжета, блеснула запонка с крошечным узором. Солнце и спирали. Он моргнул, и Михаил Петрович уже отвернулся, унося кофр в глубину зала.

* * *

На улице Вячеслав остановился у парапета и почувствовал, как на плечи ложится тяжесть. Liber Occultus был не просто книгой. И он, Вячеслав Корнилов, только что стал частью её истории.

Он достал телефон и ещё раз посмотрел на визитку. Номер был самым обычным, городской сотовый, но сама визитка, её шелковистость, золото букв, отсутствие всего лишнего вызывали ощущение нереальности. Как будто её напечатали не в типографии, а где-то в другом времени.

Он набрал номер финансиста, который продиктовал ему Михаил Петрович. Ответил приятный женский голос, низкий, спокойный.

— Здравствуйте. Ирина, финансист Дмитрия Сергеевича. Чем могу помочь?

Вячеслав представился и объяснил, что приступает к экспертизе рукописи.

— Да, Вячеслав Андреевич, Дмитрий Сергеевич меня о вас предупредил. — В голосе послышалась улыбка. — Я готова решать все финансовые вопросы по этому проекту. Обращайтесь в любое время, днём и ночью. Договор пришлю сегодня на почту. Продиктуйте, пожалуйста, ваш ИНН и реквизиты счёта, аванс поступит завтра.

Он продиктовал. Ирина повторила цифры без единой ошибки, так быстро, будто записывала их не в первый раз.

— Всё будет организовано оперативно, — сказала она. — Хорошего дня, Вячеслав Андреевич. И удачи с книгой. Говорят, она капризная.

Он положил трубку и задумался. Всё было слишком гладко. Слишком идеально. Орлов, визитка, неслышный антиквар, финансист, которая отвечает с первого гудка и не задаёт ни одного вопроса. Словно хорошо отрепетированная постановка, где каждый знает свою роль. Каждый, кроме него.

Он поднял воротник пальто и пошёл вдоль Фонтанки.

Глава 4. Тень преследования

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.